

Глава 74. Глупенький приручил деревенского хулигана (13)

Ночь опустилась на землю, редкие звезды усеяли темно-синий небосвод.

Когда Се Янь вернулся домой при лунном свете, Лин Янь уже давно спал — в последнее время Се Янь всегда возвращался поздно, и малыш, не в силах больше ждать, ложился сам.

Се Янь ощупью пробрался в дом при тусклом свете, проникавшем сквозь оконную решетку. Две постели были аккуратно разложены. Лин Янь свернулся калачиком на своей, дальней от входа, лежанке, дыхание его было ровным и глубоким — он спал крепко.

В неверном ночном свете Се Янь долго стоял у кана и молча смотрел на него.

Он бесшумно умылся, улегся в свою постель, но вдруг что-то вспомнил и достал из дорожной сумки бархатную коробочку.

Изящная золотая цепочка мягко поблескивала в лунном свете. Он осторожно откинул упавшие на лоб Лин Яня волосы и надел украшение на его тонкую белую шею.

Глядя на безмятежное лицо юноши, он не выдержал и тихо позвал:

— Янь-Янь, хочешь стать женой старшего брата?

Лин Янь во сне наморщил носик, перевернулся на бок и издал невнятное мычание:

— М-м...

Се Янь тихо рассмеялся, в груди его прозвучал низкий, чуть хрипловатый смех. Он осторожно притянул малыша к себе под одеяло и, прильнув губами к его уху, прошептал:

— Ты сам согласился. С этого дня ты — моя маленькая жена.

Глупенький в его объятиях, конечно же, не мог ответить, только инстинктивно прижался к его груди, мягкая ручка обвилась вокруг талии.

Он уснул, как доверчивый зверек, нашедший свое убежище.

Се Янь вглядывался в послушное лицо спящего, и с каждым мигмом сердце его становилось все мягче. Наконец он не удержался, наклонился и поцеловал его в чистый лоб — легким, как перышко, поцелуем. Только тогда он с чувством удовлетворения закрыл глаза и уснул.

Когда Лин Янь наутро медленно пришел в себя, он обнаружил, что весь лежит в теплых объятиях Се Яня, и недоуменно захлопал сонными глазами.

Над головой раздался низкий, хрипловатый со сна голос Се Яня:

— Проснулся?

— ... — Карие глаза глупенького моргнули в замешательстве. Он поднял взгляд на Се Яня, потом обернулся на пустую постель рядом и спросил мягким голосом: — Брат, как я оказался у тебя под одеялом?

Се Янь приподнялся на локте, посмотрел на него сверху вниз, и на его губах заиграла нежная улыбка:

— Ты что, не помнишь, что сам ночью сделал?

Лицо Лин Яня, только что проснувшегося, было румяным, как лепестки только что распустившегося персика, нежным — хоть воду отжимай. Он ничего не понимая, покачал головой, волосы его мягко скользнули по груди Се Яня, излучая тепло.

При виде этого зрелища сердце Се Яня растаяло, будто по нему провели перышком.

Он протянул руку, слегка сжал мягкую щечку и с невозмутимым видом соврал:

— Когда я вчера вернулся, ты сам полез ко мне в объятия и сказал, что хочешь спать с братом. Я тебя оттаскивал — ты ни в какую, устроился и не уходил.

Уголок губ Лин Яня едва заметно дернулся.

— Правда?

Се Янь приподнял бровь и с серьезным видом кивнул:

— Разве брат тебя когда-нибудь обманывал? Ты еще сказал, что у брата под одеялом очень тепло и что ты будешь спать здесь всегда.

— ...

Вот тут его уже точно принимают за дурачка.

Следующие несколько дней каждое утро Лин Янь просыпался и обнаруживал, что сам не заметил, как снова перекатился в постель к Се Яню и оказался в его сильных объятиях.

Сначала он с недоумением пытался выяснить причину, но Се Янь всякий раз невозмутимо придумывал очередное оправдание:

— Янь-Янь, ты ночью лунатил.

— Ты сам сказал, что хочешь спать с братом. А теперь проснулся и отказываешься?

— Я и сам не помню, открыл глаза — а ты уже лежишь у меня на груди...

— ...

В тот вечер Лин Янь нарочно разложил их постели подальше друг от друга, а между ними соорудил высокую стену из двух сложенных одеял — основательную «разделительную линию».

Вернувшись в дом и увидев это, Се Янь мрачно сдвинул брови.

— Янь-Янь, что это значит?

Лин Янь высунул из-под одеяла половину головы и совершенно серьезно заявил:

— Брат, я хорошенько подумал. Спать с тобой может только твоя жена. Я так не могу.

Се Янь:

— ...

Кадык его дрогнул, в темных глазах мелькнула искорка в лунном свете:

— На самом деле ты тоже можешь стать моей... (женой).

— Брат, давай спать!

Лин Янь резко зажмурился и зарылся лицом в одеяло, всем видом показывая, что не желает продолжать разговор.

Се Янь уставился на эту внезапно возникшую «стену из одеял», и в груди у него застрял ком, будто туда набили вату. Он молча лег, глядя на лунный свет за окном.

Когда с соседней лежанки донеслось ровное дыхание, он тихо позвал:

— Янь-Янь? Уснул?

— ...

Ответа не последовало.

Се Янь выждал немного, потом вдруг резко пнул ногой мешавшую ему грудю одеял, одним движением протянул руку и притянул к себе теплое, мягкое тело. Глупенький спал, щеки его разругмьанились, губки чуть приоткрылись в такт дыханию — как спелые вишни, так и манили.

Сердце Се Яня пропустило удар, дыхание само собой участилось.

Он закрыл глаза, не сдержался и прильнул к этим мягким губам — сначала нежно, ласково, а потом, уже не в силах совладать с собой, проник языком глубже, углубляя этот сладкий поцелуй.

И как раз когда он полностью отдался этому мгновению, рядом с ухом раздался сонный лепет:

— Брат, а зачем ты грызешь мои губы?

— ...

Се Янь резко открыл глаза и встретился взглядом с парой ясных, сияющих глаз. Его губы чуть заметно дрожали.

— Ты не спал?

Глупенький лениво зевнул, глаза его блестели влажным светом, и он сонно пробормотал:

— Брат, я хочу по-маленькому...

Не успели слова слететь с его губ, как он, словно юркий зверек, выскользнул из-под одеяла, наспех натянул обувь и выбежал наружу.

Се Янь лежал на кане, ждал-ждал, но тот все не возвращался, и он недоуменно пробормотал себе под нос:

— Этот малыш, куда же он запропастился...

Он тоже встал, накинул верхнюю одежду и вышел во двор. И увидел, как глупенький сидит на корточках в огороде и сосредоточенно срывает огурцы.

Се Янь не выдержал и окликнул его:

— Среди ночи — огурцы?

Глупенький поднял голову при звуке его голоса, и на его лице засияла чистая, невинная улыбка:

— Брат только что грыз меня за губы — наверное, проголодался. Вот я и сорвал огурчик, чтобы брат перекусил.

— ...

У Се Яня на душе смешались и смех, и слезы.

Но больше всего — бездонная нежность и бессилие.

Он шагнул вперед, мягко оттеснил малыша к стоявшей рядом скирде соломы, наклонился, теплыми губами едва касаясь порозовевшего ушка, и голосом низким, с хрипотцой, прошептал:

— Глупенький, иди ко мне... Обещаю, всю жизнь дам тебе ходить поперек дороги (в значении «делать все, что хочешь; ни в чем не зная отказа»). А?

Луна заливала все вокруг, как жидким серебром. Лин Янь задрал вверх свое хорошенькое личико, в руках он все еще бережно прижимал к груди два зеленых огурчика.

Он широко распахнул наивные глаза и молча смотрел на Се Яня долгую минуту.

Вдруг он попробовал сделать несколько шагов боком, затем сморщил свой изящный носик.

— Брат, идти боком неудобно...

— ...

Он помолчал и тихо добавил:

— На ноги давит... Не хочу идти боком. А можно не идти боком?

Се Янь опешил, потом не удержался и расхохотался.

Смех его был чистым и звонким, в тишине ночи он звучал особенно трогательно, грудь его вздымалась от смеха. Он с нежностью сжал мягкую щечку глупенького:

— Янь-Янь, ну как же ты можешь быть таким милым?

Лин Янь: (▯▯▯▯)▯ (двойной знак победы и подмигивающий смайлик, выражает счастье и озорство)

Длинные пальцы Се Яня легко коснулись мочки уха глупенького, нежно поглаживая ее, и он тихо произнес:

— Брат хотел сказать... Янь-Янь, стань моей женой. Я готов положить к твоим ногам всё самое лучшее, что есть в этом мире.

<http://bllate.org/book/18456/1927100>